

Ситуация сравнения и ее выражение в языке¹

Е. В. Урысон

Ситуация сравнения обозначается, во-первых, глаголом *сравнивать* и его синонимами (если таковые имеются в языке), ср. *сопоставлять*. Во-вторых, ситуация сравнения предполагается: а) целым рядом предикатов, указывающих на сходство (тождество, равенство) или несходство (нетождественность) объектов; ср. *тот же (самый), одинаковый, похожий, сходный; отличаться, другой, различный* и т.п.; б) определенными формами некоторых классов слов – сравнительной и превосходной степени прилагательных, ср. *выше, длиннее, самый высокий* и т.п., а также некоторых наречий, ср. *зашел еще дальше*. В некоторых языках ситуацию сравнения могут предполагать формы и других частей речи. Замечательно, что лексемы данных классов не содержат в своем толковании ни компонента ‘сравнивать’, ни какого-либо подобного. В работе выявлена общая схема значения предиката *сравнивать* и описаны способы реализации его семантических актантов. Показано, в каком виде схема данного значения реализуется в семантике слов перечисленных групп. Описаны некоторые экзотические способы выражения данного смысла, представленные в русском языке, – союзы *и* и *а* в случаях типа *У нее дети похожие – Катя светленькая, и Маша светленькая* VS. *У нее дети разные – Катя светленькая, а Маша темненькая*. Продемонстрирована близость смысла ‘сравнить’ семантическим примитивам. Обсуждается вопрос о степени семантической неразложимости смыслов ‘равен’ и ‘больше’, обычно относимых к семантическим примитивам, и в связи с этим – проблемы организации метаязыка для описания семантики.

1. Слова, предполагающие сравнение: попытка системного описания

Ситуация сравнения обозначается, прежде всего, глаголом *сравнивать 1 – сравнить 1* и его синонимом *сопоставлять 1 – сопоставить 1*. Ср. *Он сравнивал Ивана и Федора и не понимал, кому отдать предпочтение; Историки умеют сопоставлять эпохи, на первый взгляд совсем разные*. [У глагола *сравнивать* есть еще значение ‘уподоблять’ (лексема *сравнивать 2*), ср. *Поэт сравнивает жизнь с плаванием по бурному морю*. Значения двух лексем – *сравнивать 1* и *сравнивать 2* – могут сливаться, так что в ряде контекстов слово *сравнивать* выступает в каком-то промежуточном значении; ср. *По силе и неповоротливости ее [лошадь] можно было сравнить с трактором, а по невозмутимости – с многовековым валуном* (В. Белов). У глагола *сопоставлять* есть лексема *сопоставлять 2*, представленная в контекстах типа *Следователь сопоставил факты и пришел к выводу, что убийство было тщательно подготовлено*. Анализ лексем *сравнивать 2* и *сопоставлять 2* выходит за рамки нашего исследования.]

Кроме того в языке есть еще классы слов и форм, которые предполагают сравнение. Единицы этих классов указывают на сходство или, наоборот, на различие объектов. Действительно, с определенной долей условности, для того чтобы утверждать что-либо о сходстве или различии объектов, требуется сначала их сравнить.

Представление о сравнении присутствует в семантике некоторых грамматических форм, а именно в значении степеней сравнения прилагательных и наречий. Ср. *Маша выше <красивее> Кати, Вчера мы поднимались еще выше* (сравнительная степень, значение компаратива); *Прямая – это кратчайшее расстояние между двумя точками, Маша – самая высокая <красивая> в нашем классе* (превосходная степень, значение суперлатива); *Лучшего момента не будет* [‘момента лучше, чем этот’] (превосходная степень, значение компаратива).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 02-04-00306а), Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН “История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте” (раздел 4.15), гранта Президента РФ № НШ-1576.2003.6, гранта 7-го конкурса-экспертизы Президиума РАН (“Семантика, синтаксис и прагматика мелких слов русского языка”).

Существует группа предикатов, толкуемых через сравнительную степень, ср. *превосходить* ‘быть больше’, *увеличиваться*, *возрастать* ‘становиться больше’, *уменьшаться*, *падать* (ср. *Температура* <давление> *падает*) ‘становиться меньше’ и т.п. Такие предикаты тоже, очевидно, предполагают сравнение величины некоторого параметра в какой-то один момента времени с величиной того же параметра в другой момент времени.

Сравнение объектов лежит в основании семантики класса слов со значением ‘быть похожим’ и ‘быть непохожим’. Ср. *похожий* (*Новый день похож <не похож> на вчерашний*), *сходный*, *вылитый* (*вылитый отец*), *подобный* (*С подобными вещами мы уже сталкивались*), *общее* (*В них есть что-то общее <нет ничего общего>*, *У детей много общего*), *сходство*, *походить* (*С годами он стал походить на отца*), *пойти в кого-л.* (*Он пошел в мать*), *отличаться*, *различаться*, *разный* (*Дети совсем разные*) и т.п. В этот класс предикатов входят и служебные единицы: *как* (ср. *Ответил как взрослый*), *такой ... как* (ср. *Такие способные студенты как Петров ...*), *такой ...какой* (ср. *Ты стал таким (же), каким был твой отец*) и т.п.

Наконец, идея сравнения с каким-то принятым “средним образцом”, или “нормой”, входит в значение параметрических прилагательных, ср. *большой*, *маленький*, *высокий*, *низкий*, *длинный*, *короткий*, *широкий*, *узкий*, *глубокий*, *мелкий* и т.п. Действительно, *большой* = ‘такой, размер которого больше нормы’, *маленький* = ‘такой, размер которого меньше нормы’ и т.п. Это описание восходит к Э.Сепиру [Сепир 1944/1985] и подробно развивается Ю.Д.Апресьяном, см. [Апресян 1974].

Отметим, что представление о сравнении имеется и в семантике предикатов *равен* и *больше*. С некоторой долей условности, высказывания *Объект X равен объекту Y* или *Объект X больше объекта Y* обозначают результат сравнения объектов X и Y. К этому факту мы еще вернемся. Попытаемся выявить главные черты ментальной операции сравнения.

Сравнение всегда предполагает субъекта-человека (им может быть сам говорящий) и как минимум два объекта – X и Y (если объектов больше, то они, скорее всего, сравниваются попарно). Ср. *На уроке литературы сравнивали Обломова (X) и Штольца (Y)*, *Ты всегда сравниваешь себя (X) с другими (Y)*, *Дочь (X) (не) похожа на мать (Y)*, *Сын (X) выше отца (Y)* и т.п.

Сравнивая объекты, субъект исходит из того, что они имеют какой-то общий признак Z – его называют признаком, или основанием, сравнения. Указание на основание сравнения может содержаться в лексическом значении предиката. Таковы формы степеней сравнения. Ср. *Сын выше отца* – в значении предиката *высокий*, *выше* входит компонент ‘рост’, он и является признаком сравнения; *Петя умнее Васи* [признак сравнения – умственные способности], *Маша у нас самая красивая* [признак сравнения – эстетическая оценка внешности] и т.п.

При некоторых предикатах основание сравнения может выражаться дополнением. Таков, прежде всего, предикат *сравнить*: *сравнить рожь и пшеницу по урожайности* [признак сравнения – урожайность]. Таковы также предикаты *различаться* и *отличаться*, *больше*, *равен* и некоторые другие: *Эти треугольники различаются по площади* [признак сравнения – площадь]; *Эта кадка по объему больше ведра* [признак сравнения – объем]; *Отрезки m и n равны по длине* [признак сравнения – длина]; *Внешне дети совсем разные* [признак сравнения – внешность]; *Характером он пошел в мать* [признак сравнения – характер].

Однако очень часто основание сравнения не выражается.

Это регулярно имеет место, если объекты сравниваются не по одному, а сразу по нескольким или многим признакам, причем они выявляются субъектом непосредственно в процессе операции сравнения и часто вообще не называются: *Он похож на отца <пошел в отца>*, *Он сравнивал сестер и не понимал, которая ему больше нравится*; *Сравнивал он себя с Серым. Ах, ведь и он, подобно Серому, нищ, слаболоен, всю жизнь ждал каких-то счастливых дней для работы!* (И. Бунин). При этом некоторые предикаты сочетаются с квантификаторами, которые указывают на большое количество разных неназываемых признаков, по которым производится сравнение: *В них много <нет ничего> общего*, *Дети совсем разные*. Указание на большое количество или даже все возможные признаки сравнения может входить в лексическое значение предиката; такова лексема *вылитый* (*Катя – вылитая мать*). Отметим в связи с этим и видовое различие между НСВ и СВ *сравнивать* – *сравнить*. Форма НСВ *сравнивать* в случаях типа *Он лежал и мысленно сравнивал себя с соседом* указывает на то, что в описываемый промежуток времени операция сравнения выбранных объектов проводилась многократно и каждый раз – по новому основанию. Форма СВ *сравнить* (*Он сравнил себя с соседом*) подобного указания не содержит.

Основание сравнения не выражается также и в том случае, если сравнение базируется на в первую очередь физическом (например зрительном) восприятии объектов: *Сравни свой ответ с ответом в учебнике*, *Сравните две картинки и найдите все различия между ними*, *Сравните эти мелодии*. Основание сравнения

в этом случае в каком-то смысле тривиально: это принцип записи или физически воспринимаемая общность изображений (мелодий).

У каждого из сравниваемых объектов признак сравнения имеет определенное значение, или, что то же, каждый объект характеризуется по признаку сравнения определенным образом. При этом у объекта X признак сравнения может иметь одно значение (Z_1), а у объекта Y – другое (Z_2): *Новая квартира больше старой* [квартиры сравниваются по признаку размера, у новой квартиры этот признак имеет какое-то значение Z_1 , а у старой – какое-то другое значение Z_2 , так что $Z_1 \neq Z_2$], *Эти два сорта пшеницы различаются по урожайности* [признак урожайности у одного сорта имеет одно значение, а у другого сорта – другое]. При этом некоторые предикаты присоединяют дополнение, указывающие на разницу в значении данного признака у сравниваемых объектов: *Новая квартира больше старой на двадцать метров, Он пришел к финишу на три минуты раньше* и т.п. Но может быть и так, что у сравниваемых объектов признак сравнения имеет одинаковое или почти одинаковое значение ($Z_1 = Z_2$ или $Z_1 \approx Z_2$): *Эти квартиры равны по площади, По характеру они похожи*.

Указание на то, что признак сравнения принимает у сравниваемых объектов одинаковое или, наоборот, разное значение, может входить непосредственно в семантику предиката. Так, степени сравнения, а также слова *различаться, разный* и т.п. указывают на разное значение данного признака у сравниваемых объектов. Напротив, предикаты *равен, тождественный, одинаковый* указывают на то, что значение данного признака у сравниваемых объектов тождественно. К последней группе примыкают предикаты *похожий, сходство* и т.п., которые указывают на то, что значение признака сравнения имеет у сравниваемых объектов почти одинаковое значение. Однако предикат *сравнивать* (как и его синоним *сопоставлять*) не содержит никакого указания на тождество или, наоборот, различие значения данного признака; нормально: *Сравни Ваню и Петю – кто из них выше; Она сравнивала Дашу и Катю – обе красивы, умны, богаты* и т.п.

Цель и результат операции сравнения – знать, тождественны, одинаковы объекты по признаку сравнения или нет; если нет – то чем значение данного признака у одного объекта отличается от его значения у другого объекта.

Заметим, что результат сравнения может достигаться через промежуточный этап: сначала выясняется значение признака сравнения у каждого из сравниваемых объектов, а затем уже устанавливается, тождественны эти значения или нет. Ср. *Рост Пети 185 см, рост Саши 175 см. Значит, Петя выше Саши на десять сантиметров*. Однако этот промежуточный этап совершенно необязателен. Высказывания *Петя выше Саши* и даже *Петя выше Саши на десять сантиметров* не предполагают, что субъекту известен рост Пети и рост Саши – результат сравнения можно получить и не зная этого.

В целом, ситуация сравнения, или, как мы будем говорить далее, ментальная операция сравнения, включает в себя две основные составляющие:

1. ментальное действие сравнения, которое предполагает а) субъекта (человека); б) минимум два объекта [X и Y]; в) признак, или основание, сравнения [Z];
2. результат сравнения [$Z_1 \neq Z_2, Z_1 = Z_2$ (или $Z_1 \approx Z_2$)], причем результату сравнения может предшествовать установление значения признака сравнения у каждого из сравниваемых объектов [$Z_1 = n, Z_2 = m$].

Но в чем заключается само ментальное действие сравнения? Можно ли описать его на естественном языке – так, как принято описывать языковое значение или компонент значения? На первый взгляд, может показаться, что – да, можно. Достаточно истолковать предикат *сравнивать*: полученное толкование и будет искомым описанием действия сравнения.

Однако это не так. Обратим внимание на то, что ни степени сравнения, ни лексемы со значением ‘быть похожим’ и ‘быть непохожим’, несмотря на то что они предполагают сравнение объектов, не толкуются через предикат ‘сравнивать’. Дело в том, что то представление о сравнении, которое лежит в основе их семантики, существенно беднее, нежели значение ‘сравнивать’.

В самом первом приближении, *сравнивать X и Y (по признаку Z)* \approx ‘искать и находить сходства и различия между объектами X и Y по признаку Z или по каким-то неназванным признакам’.

Лексема *сравнивать* толкуется через *сходство* и *различие*, между тем как сами эти лексемы как будто должны толковаться через *сравнивать*. Однако приведенное толкование не содержит круга.

Дело в том, что в значение лексемы *сравнивать* входит указание на контролируемое целенаправленное ментальное действие, требующее от субъекта определенных усилий. Это может быть думание, размышление субъекта о данных объектах: *Ты всегда сравниваешь себя с другими и всем завидуешь; Я --- смотрю на силуэт девушки, стоящей в моей комнате у окна, и я понимаю, что никогда в жизни не буду больше разглядывать ее со стороны и сравнивать с другими* (В. Аксенов). Часто в этом контролируемом

ментальном действии выделяются какие-то промежуточные этапы, которые в определенных случаях совершают по каким-то, более или менее четким, правилам, ср. *сравнить треугольники по площади, сравнивать разные литературные жанры <балтийские языки со славянскими>* и т.п. Данное ментальное действие может базироваться на физическом (часто зрительном) восприятии объектов, но и в этом случае оно требует как минимум выделения в сравниваемых объектах каких-то составных частей и определенного, хотя бы элементарного анализа возникающих в сознании образов: *сравнивать почерки, Сравнить полученный ответ с ответом в учебнике, Сравни два изображения дома и найди все различия между ними.* (В последнем случае значение лексемы *сравнивать* модифицируется, причем указание на основание сравнения становится недопустимым). Именно поэтому нормальны сочетания *трудно <легко> сравнивать*, ср. *Трудно сравнивать такие разные языки, Легко сравнивать Обломова и Штольца и гораздо труднее анализировать литературные жанры* и т.п.

Что касается лексем *сходство* и *различие*, то в их значение указание на контролируемое целенаправленное ментальное действие не входит. Действительно, высказывания *Его поразило сходство девушек* или *Ты легко заметишь различия между ними* не предполагают, хотя и не исключают, того, что субъект целенаправленно сравнивает объекты, о которых идет речь. Следовательно, эти лексемы семантически беднее, чем лексема *сравнивать*.

Но как же толкуются сами лексемы *сходство* и *различие* и остальные предикаты со значением ‘быть похожим’ или ‘быть непохожим’, т.е. *похож, одинаковый, разный, отличаться* и т.п.?

В основе их семантики лежит обсуждавшееся выше представление об операции сравнения, которая, как мы помним, предполагает некое ментальное неконтролируемое нецеленаправленное действие субъекта. Однако лексема *сравнивать*, равно как и ее синоним *сопоставлять*, слишком богата для обозначения этой операции, поскольку включает в себя указание на аналогичное, однако контролируемое и целенаправленное действие, ср. ‘искать и находить ...’. Существенно, что естественный язык не располагает никакой отдельной лексемой для обозначения неконтролируемого действия сравнения как такового. Значит, в толковании лексем со значением ‘быть похожим’ и ‘быть непохожим’ не может быть никакого отдельного компонента, соответствующего представлению о данном действии (напомним, что толкование по определению представляет собой текст на естественном языке). Но быть может обсуждаемые лексемы можно истолковать и не прибегая непосредственно к идее сравнения? Подобные попытки приводят к замкнутому кругу. Ср., например: *X похож на Y-а* \approx ‘между X-ом и Y-ом сходств намного больше, чем различий’; однако *сходство между X-ом и Y-ом* \approx ‘наличие похожих черт у X -а и Y-а’. Наличие такого круга – свидетельство близости рассматриваемых лексем к уровню семантических примитивов. Действительно, “свидетельством того, что в ходе семантической декомпозиции достигнут уровень примитивов, является невозможность истолковать полученные на последнем шаге декомпозиции семантические компоненты без порочного круга” [Апресян 1994/1995: 471].

Поэтому толкования лексем со значением ‘быть похожим’ или ‘быть непохожим’ строятся следующим образом: одна из данных лексем объявляется семантическим примитивом и семантика других представляется через этот примитив. Такое описание предлагает А. Вежицкая – в книге [Вежицкая 1992] в список семантических примитивов входит лексема *похожий*. Тогда другие лексемы со значением ‘быть похожим’ или ‘быть непохожим’ можно описывать как в той или иной мере неточные синонимы или антонимы данного примитива (ср. *сходный, отличный от* и т.п.) или же их синтаксические дериваты (ср. *сходство, походить на кого-л., различия, различаться* и т.п.).

Аналогичным образом толкуются и лексемы со значением равенства и тождества, ср. *равен, равенство, неравенство, тождественный, тождество* и т.п. В основе их семантики лежит то же представление о действии сравнения, для обозначения которого язык не располагает никакой лексической единицей. В то же время их нельзя истолковать через лексему *сравнивать*, так как в значение последней входит указание на контролируемое целенаправленное ментальное действие, отсутствующее в семантике данных лексем. Остается выбрать какие-то из лексем со значением равенства и тождества на роль семантического примитива, а остальные толковать через них. В работах [Жолковский 1964: 91] и [Мельчук 1974: 57] к примитивам (“элементарным значениям”) отнесена лексема *равный*. (Заметим, что эту лексему можно считать и толкуемой: *X равен Y-у* = ‘X не больше Y-а, Y не больше X-а’ [Сэпир 1944/1984]). Добавим, что по тем же причинам естественно отнести к семантическим примитивам и одну единицу из класса показателей кореферентности. Так, А. Вежицкая относит к примитивам сочетание *тот же самый*.

Приведенное рассуждение справедливо и для степеней сравнения. Их семантика, безусловно, базируется на какой-то идее сравнения, но это не то целенаправленное ментальное действие, которое обозначается лексемой *сравнивать*. Действительно, высказывания *Маша выше Кати* и даже *Маша красивее <умнее> Кати* и т.п. не содержат никакого указания на то, что “субъект искал и находил сходства и различия между

Машей и Катей по степени красоты <ума>”. Заметим, что подобные высказывания и не исключают целенаправленного контролируемого действия ‘сравнивать’. Так, субъект мог действительно сравнивать Машу и Катю, находить сходства и различия между ними и в результате сказать: *Все-таки Маша красивее <умнее> Кати*. Но из этого следует лишь то, что указание на контролируемое целенаправленное ментальное действие вполне совместимо с представлением о той операции сравнения, которая лежит в основе семантики рассматриваемых форм. Все эти формы, а также предикат ‘сравнивать’ включают в себя данное представление. Однако сам предикат ‘сравнивать’ как таковой не входит в значение степеней сравнения.

Ясно, что степени сравнения толкуются по какой-то единой схеме. Легче всего продемонстрировать ее на примере прилагательных размера, ср. *X больше <меньше, выше, ниже, длиннее, короче, ...> Y-а*. Одна из приведенных форм обладает наименее специфицированным значением – это *больше*. Ее естественно считать семантическим примитивом. (Такое решение принято в работах [Жолковский 1964; Апресян 1974: 73].) *Меньше* – это конверсив предиката *больше*, т.е. *X меньше Y-а = Y больше X-а*. Тогда степени сравнения других прилагательных толкуются непосредственно через примитив ‘больше’ или же через его конверсив ‘меньше’. Ср. *X выше <длиннее, глубже> Y-а ≈ ‘высота <длина, глубина> X-а больше высоты Y-а’*; *X ниже <короче, мельче> Y-а ≈ ‘высота <длина, глубина> X-а меньше высоты Y-а’*; *X - самый длинный из данных объектов Y ≈ ‘длина X-а больше длины любого из данных объектов Y’*; *X - самый короткий из данных объектов Y ≈ ‘длина X-а меньше длины любого из данных объектов Y’* и т.п. (Мы отвлекаемся сейчас от коммуникативной организации толкуемых выражений.) Степени сравнения тех прилагательных, которые описывают не размер, а другие характеристики объекта, толкуются аналогичным образом, хотя и несколько сложнее. Ср. *X красивее <умнее> Y-а ≈ ‘степень красоты <ума> X-а больше степени красоты <ума> Y-а’*; *X - самый красивый из данных объектов Y ≈ ‘степень красоты X-а больше степени красоты любого данного объекта Y’*; и т.п.

Фундаментальная роль смысла ‘больше’ в семантике самых разных языковых единиц, по-видимому, впервые была описана Э. Сэпиром в работе [Сэпир 1944/1985], посвященной градуированию, т.е. “упорядочению в соответствии с некоторой шкалой” [Сэпир 1944/1985: 43]. Заметим, что градуирование – это более широкое понятие, нежели операция сравнения, однако в основе градуирования лежит именно сравнение. Описание смысла ‘больше’, данное Э. Сэпиром, служит ключом к психологическому представлению операции сравнения. “Можно сказать, что суждения типа “больше, чем” и “меньше, чем” основаны на представлении о “завертывании” (“envelopment”). Если А можно “завернуть” в В, поместить в В или так сочленить с В (реальным или воображаемым образом), чтобы А оказалось содержащимся в пределах В, а не вне его, то об А говорят как о “меньшем, чем В”, а о В – как о “большем, чем А”” [Сэпир 1944/1985: 43]. Представление о “завертывании” – это своего рода мостик от представлений о пространственных положениях и чисто физических действиях к более сложной ментальной операции сравнения.

Однако мы не можем по-настоящему определить, в чем заключается то неконтролируемое ментальное действие сравнения, которое лежит в основе семантики рассматриваемых классов слов и форм. Как это ни парадоксально, естественный язык не располагает никакой отдельной единицей для обозначения этого действия. Выражаясь языком современной теоретической семантики, неконтролируемое ментальное действие сравнения не вербализуемо. Следовательно, не вербализуема и вся операция сравнения, поскольку данное ментальное действие является ее составной частью.

Быть может, все, сказанное выше об операции сравнения, не имеет прямого отношения к лингвистике? Действительно ли представление об этой операции входит в семантику лексем естественного языка? На наш взгляд – да. Свидетельством этого являются системные сходства и различия между классами, которые удается естественно описать благодаря выделению данного компонента. Требуется сразу оговорить, что этот компонент имеет какой-то совершенно особый статус. Он не выделяется в значении перечисленных единиц по существующим правилам декомпозиции и, следовательно, не укладывается в рамки существующей семантической теории. Кроме того они не обозначаются никакой лексемой естественного языка. Теоретическим вопросам, возникающим в связи с выделением этого элемента, мы посвятим специальный раздел. Сейчас сосредоточимся на его свойствах. Для удобства изложения будем называть выделенный семантический элемент “операция сравнения”. Подчеркнем, что это название условно – перед нами невербализуемый компонент смысла.

Семантический компонент “операция сравнения” аналогичен обычному предикату. Во-первых, он неэлементарен: внутри него выделяются как минимум две составные части – невербализуемое действие сравнения и результат сравнения. Во-вторых, он описывает ситуацию с определенным набором участников, в который входят субъект и два (или более) объекта.

Данный семантический элемент задает каркас значения перечисленных классов. Основные различия между классами обусловлены двумя факторами (мы отвлекаемся от тонкой семантики описываемых слов).

Первый фактор - фокус внимания, или место семантического акцента. В фокусе может находиться а) само действие сравнения, б) результат сравнения. У глаголов *сравнивать*, *сопоставлять* семантический акцент – на действии. Благодаря этому в составе этих предикатов указание на действие сравнения обогащается компонентом ‘искать сходства и различия ...’. При этом при глаголах *сравнивать*, *сопоставлять* результат сравнения вообще невыразим. У всех остальных рассматриваемых предикатов (ср. *отличаться*, *похож*, *пойти (характером в кого-л.)*, *равен* и т.п.) и, в частности у степеней сравнения (*больше*, *выше*, *ниже*, *мельче* и т.п.), семантический акцент – на результате сравнения.

Второй фактор – выражение того или иного компонента “операции сравнения”, реализация набора участников данной ситуации. Субъект сравнения выражается синтаксическим зависимым лишь при глаголах *сравнивать*, *сопоставлять*. Степени сравнения по умолчанию предполагают, что субъектом операции сравнения является говорящий или – при передаче чужих слов, субъект передаваемой речи. Ср. *Петя выше всех в классе* [субъект сравнения - говорящий]; *Петя сказал, что Катя красивее и умнее Даши* [передача чужих слов; субъект сравнения - Петя].

Объекты сравнения у большинства рассматриваемых предикатов обозначаются дополнениями: *сравнивать Ивана с Петром* <братьев, Ивана и Петра>, *отличие Ивана от Петра*, *сходство Ивана с Петром* <братьев>, *различия между братьями* и т.п. (Мы отвлекаемся сейчас от коммуникативных различий в случаях *сравнивать Ивана с Петром* - *сравнивать Петра с Иваном* - *сравнивать Ивана и Петра*; *отличие Ивана от Петра* - *отличие Петра от Ивана* и т.п.) Правда, у прилагательных, в частности у степеней сравнения, в силу общих особенностей данной части речи, дополнением маркируется лишь один, а именно второй, объект сравнения. Ср. *Иван, во всем похожий на Петра, тоже любит собак*, *Иван выше Петра* [в обоих примерах второй объект сравнения - Петр]; *Иван – самый высокий из наших баскетболистов* [второй объект сравнения – наши баскетболисты]. Что касается первого объекта (в приведенных примерах это Иван), то его синтаксическая маркировка сложнее: при сравнительной степени этот объект обозначается подлежащим, а в других случаях – синтаксическим хозяином прилагательного.

Признак сравнения при предикатах *сравнивать*, *сходство*, *различие*, *похож* и т.п. может вообще не выражаться (*сравнивать жену с матерью*), а если выражается, то маркируется дополнением: *сравнивать отрезки по длине* [признак сравнения - длина], *Характером он пошел в отца* [признак сравнения - характер] и т.п. Кроме того признак сравнения может быть “встроен” в значение предиката – именно так устроены степени сравнения. Ср. *Петя выше Вани* [объекты (Петя и Ваня) сравниваются по росту, причем компонент ‘рост’ является компонентом значения предиката *выше*].

Тем самым, тот или иной компонент “представления об операции сравнения”, а также тот или иной участник данной ситуации может быть частью значения предиката, может быть его синтаксическим зависимым, а может быть вообще невыразим. В подобных случаях Е.В. Падучева различает участников ситуации по статусу: участник может быть инкорпорированным (в значение предиката), неинкорпорированным или же находиться за кадром [Падучева 2004]. В целом, семантический компонент “операция сравнения” задает потенциальный набор семантических актантов предиката. (Ср. в связи с этим описание синтаксиса конструкций *X любит Y-а больше Z-а* <больше, чем Z> в работе [Саввина 1976].)

Системность сходств и различий между предикатами, перечисленными в начале доклада, объясняется тем, что в основе их семантики лежит общий смысловой компонент. Существенно, что различия между описываемыми предикатами обусловлены теми же факторами, что и различия между лексемами полисемичного слова (цикл работ Е.В.Падучевой), а также между единицами одного семантического поля [Урысон 2003].

Выделенный семантический элемент позволяет объяснить некоторые частные синтаксические явления. Остановимся на одном из них.

Предложение со сказуемым – лексемой *сравнивать* обладает следующей синтаксической особенностью: оно присоединяет вводимый бессоюзно косвенный вопрос со сказуемым, выраженным сравнительной степенью; ср. *Она сравнивала своих соседей – кто из них богаче?*. Эта синтаксическая особенность имеет семантическую подоплеку. Дело в том, что *сравнивать* и *богаче* имеют общий смысловой компонент “операция сравнения”. При этом операции сравнения в данном случае подвергаются одни и те же объекты - соседи. Но сравнение предполагает основание, признак сравнения. У предиката *богаче* указание на основание сравнения входит непосредственно в значение. У глагола *сравнивать* имеется соответствующая семантическая валентность. Поскольку операции сравнения подвергаются одни и те же объекты, то основание сравнения для *сравнивать* – то же, что и для *богаче*. Тем самым, сравнительная степень во втором предложении дает семантический материал для одной из семантических валентностей глагола *сравнивать*. (Добавим, что данный невербализуемый компонент обеспечивает хорошо ощущаемую высокую степень семантической согласованности двух бессоюзно связанных предложений.)

2. Союзы *а* и *и* как средство обозначения сравнения

Ниже предлагается семантическое описание союза “*а* сопоставления”. Это “основное, наиболее частое и вместе с тем наиболее загадочное употребление союза *а*” [Санников 1989: 171]. Мы рассмотрим также одну лексему союза *и*, тоже выражающую сравнение.

Интересующий нас союз *а* представлен в следующих примерах:

(1) а. *Вы аристократ, а я демократка*; б. *Петя на двух работах работает и еще переводы берет, а она весь день на диване с книжкой*; в. *Старая квартира была большая, в старинном доме, а эта – маленькая, в блочной пятиэтажке*.

(2) а. *После полудня мы с нашим ботаником пошли осматривать окрестности. Он собирал растения, а я охотился* (В.К. Арсеньев); б. *Папа на работе, а мама ушла в магазин*; в. *Иванова в отпуске, Петров болен, а Сидоров в командировке*.

Высказывания группы (1) отличаются от примеров группы (2).

В примерах первой группы говорящий сравнивает или даже противопоставляет два объекта. Высказывания группы (2) не предполагают, что говорящий специально сравнивает объекты, о которых идет речь: союз *а* имеет здесь почти пустое “соединительное” значение. Такие высказывания типичны для обычного сообщения. Ср. *Что делают дети? – Катя рисует, а Петя с кошкой играет* [говорящий не сравнивает Петю и Катю, а просто сообщает, чем они занимаются]; *А где же все техники? – Иванова в отпуске, Петров болен, а Сидоров в командировке*.

Различие между противопоставлением типа (1) и “просто сообщением” типа (2) можно интерпретировать по-разному. Словари, в частности, [МАС], считают, что в данных контекстах представлены разные лексемы союза *а*. Этот подход принят и в статье [Николаева 1997]. Грамматики, в частности [Грамматика-80], напротив, относят все различия между противопоставлением и “просто сообщением” на счет лексического наполнения фразы, т.е. считают, что союз *а* в подобных примерах представлен в одном значении. Такое описание принято и в работах [Крейдлин, Падучева 1974 а,б; Санников 1989].

Для удобства изложения мы принимаем первый подход.

Лексему союза *а*, представленную в примерах (1), назовем “*а* сравнения”. Семантически почти пустой лексеме союза *а* в (2) дадим условное название “опустошенное *а* сравнения”. Смысл названия станет ясен из дальнейшего изложения. Данные лексемы очень близки друг другу и естественным образом объединяются в блок, традиционно называемый “*а* сопоставления”.

В соответствии с традицией мы считаем, что в семантику обеих лексем из блока “*а* сопоставления” входит идея сравнения. Однако лексема “*а* сравнения” предполагает контролируемое целенаправленное ментальное действие ‘сравнивать’, а вторая, почти пустая соединительная лексема (ср. *Папа на работе, а мама ушла в магазин*) предполагает ту операцию сравнения, которая лежит в основе семантики лексем *больше, сходство, различие* и т.п. Лексема “*а* сравнения” сближается в данном отношении с “*и* сравнения”, поэтому для большей ясности ниже описываются оба этих союза. “Опустошенное *а* сравнения” тоже сближается с одной из лексем союза *и*, однако их сопоставление выходит за рамки предлагаемой работы.

2.1. Лексемы “*а* сравнения” и “*и* сравнения”.

Сравним следующие высказывания (примеры (3) и (4) с и их интерпретацией мы заимствовали из книги [Санников 1989: 173]):

(3) *Коля рыжий, а Петя рыжеватый*.

(4) *Коля рыжий, и Петя рыжеватый*.

(5) *Коля рыжий, Петя рыжеватый*.

Высказывания (3) и (4) предполагают сравнение Коли и Пети. При этом произнося фразу (3), говорящий, безусловно, противопоставляет Колю и Петю, подчеркивает различие между ними. Фраза (4), напротив, указывает на сходство Коли и Пети. Что касается высказывания (5), то оно может пониматься по-разному, причем то или иное его понимание обеспечивается просодией. При одной просодии это высказывание, так же как и пример (3), указывает на различие двух объектов. Ср.

(5а) *Коля рыжий, Петя рыжеватый. Коля весит 50 кг, Петя – 51 кг.*

При другой просодии высказывание (5) подчеркивает сходство между Колей и Петей и, тем самым, сближается с примером (4). Ср.

(5б) *Коля рыжий, Петя рыжеватый. Коля толстенький, Петя толстенький.*

Наконец, пример (5) можно произнести и с третьей – “перечислительной” – интонацией, и тогда он вообще не выражает сравнения. Ср.

(5в) *Коля рыжий, Петя рыжеватый. У меня волосы черные.*

В тексте (5в) сообщается о цвете волос Коли и о цвете волос Пети, но Петя и Коля между собой не сравниваются.

В примерах с союзом, т.е. в (3) и (4), идею сравнения выражает, прежде всего, союз *а* или союз *и*. При этом просодия тоже выражает сравнение, и, следовательно, ее значение семантически согласовано со значением союза. Что касается бессоюзных высказываний типа (5а) - (5в), то в них сравнение выражается только просодией. Такое описание лексикоцентрично и полностью лежит в русле семантической традиции.

Высказывания (3), (4), как и примеры группы (1), указывают на контролируемое целенаправленное ментальное действие субъекта – то, которое обозначается лексемой *сравнивать*. Поскольку идею сравнения выражает здесь лексема “*а сравнения*” или “*и сравнения*”, то остается признать, что в значение этих союзов входит предикат ‘сравнивать’.

Но ситуация сравнения предполагает определенные компоненты: субъекта, объекты сравнения, основание сравнения и его результат. Рассмотрим, как они выражаются в высказываниях с данными лексемами союза *а* или *и*.

Субъектом сравнения в высказываниях с союзом *а* является, очевидно, субъект речи. По умолчанию, т.е. если во фразе нет никаких специальных указаний, субъект сравнения – это говорящий, ср. *Катя бедная, а Даша богатая*. Если же высказывание передает чужую речь, то субъект сравнения – это, очевидно, не сам говорящий, а субъект пересказываемой речи; ср. *Петя сказал, что Катя бедная, а Даша богатая* [субъект сравнения – Петя]. Аналогичным образом обозначается субъект сравнения *и*, например, при степенях сравнения.

А как выражаются при союзе *а* объекты сравнения?

При сочинительном союзе сравниваемые объекты не могут быть выражены падежными формами. Единственно возможные способы их маркировки – порядок слов и просодическое выделение. Поскольку порядок слов в сочетании с просодией выражает актуальное членение высказывания, то естественно предположить, что объекты сравнения при союзе *а* обозначаются какими-то фрагментами теморематической структуры.

Это предположение подтверждается. Объекты сравнения при союзе *а* выражаются темами сочиненных предложений, причем первый объект выражается темой первого предложения (Т1), а второй объект – темой второго предложения (Т2). Проиллюстрируем это на уже приведенных примерах.

(1а') [Вы]^{Т1} *аристократ*, а [я]^{Т2} *демократка*.

Говорящий сравнивает адресата (первый объект сравнения) с собой (второй объект). Первый объект обозначен словом *Вы*, второй – словом *я*. Фрагмент *Вы* образует тему первого из сочиненных предложений, *я* – тему второго предложения:

Аналогичным образом устроены высказывания (3) и (4). Ср.

(1б') [Петя]^{Т1} *на двух работах работает и еще переводы берет*, а [она]^{Т2} *весь день на диване с книжкой* [первый объект сравнения – ‘Петя’, второй – ‘она’].

(1в') [Старая квартира]^{Т1} *была большая, в старинном доме*, а [эта]^{Т2} *– маленькая, в блочной пятиэтажке* [первый объект сравнения – ‘старая квартира’, второй – ‘данная квартира’].

В классической работе [Крейдлин – Падучева 1974б] продемонстрировано, что в высказываниях с лексемой из блока “*а сопоставления*” в каждом из сочиненных компонентов обязательно должна быть выражена тема. Поэтому невозможно, например, высказывание:

(6) **Стемнело, а начался дождь.*

Перейдем теперь к выражению при союзе *а* признака сравнения.

Для обозначения признака сравнения, как и для маркировки объектов сравнения, в случае сочинительного союза могут быть использованы лишь порядок слов и просодическое выделение. Так оно и есть – в высказываниях с союзом *а* признак сравнения “впаян” в ремы сочиненных предложений. Более точно, он выводится из лексико-синтаксического состава рем сочиненных компонентов. Приведем примеры.

(7) [Петя]^{Т1} [*любит яблоки*]^{Р1}, а [Ваня]^{Т2} [*– груши*]^{Р2}.

В данном высказывании сравниваются Ваня и Петя; признак сравнения – ‘то, что любит субъект’. Соответствующий фрагмент семантической структуры состоит из компонентов, повторяющихся в рамках, –

т.е. из предиката ‘любит’ с указанием на наличие объекта. Обратим внимание на то, что эти объекты являются видами фруктов, – иными словами, они “тезаурусно соотнесены”, т.е. “входят в одну рубрику некоторого тезауруса” [Крейдлин-Падучева 1974б]. Такая “хорошая” тезаурусная соотнесенность обеспечивает прагматическую удачность высказывания. Однако она, по-видимому, не входит в число тех условий, которые обеспечивают выражение признака сравнения в высказывании с союзом *a*. При отсутствии хорошей тезаурусной соотнесенности высказывание, хотя и бывает прагматически странным или игровым, но остается правильным и, в частности, выражает признак сравнения. Ср. прагматически нестандартное высказывание *Петя любит яблоки, а Ваня – импрессионистов*.

(8) [Коля]^{T1} [богатый]^{R1}, а [Ваня]^{T2} [бедный]^{R2}.

Сравниваются Коля и Петя; признак сравнения – ‘количество у данного лица денег и имущества’. Соответствующий фрагмент семантической структуры состоит из компонента, повторяющегося в ремах, а именно – в значении лексем *богатый* и *бедный*.

Перейдем к результату сравнения.

Напомним, что установлению результата может предшествовать промежуточный этап – выяснение значения признака сравнения у каждого из сравниваемых объектов. В высказываниях с союзом *a* промежуточный этап выражен: каждый из сравниваемых объектов характеризуется по признаку сравнения. Ср.

(9) [Коля]^{T1} [богатый]^{R1}, а [Ваня]^{T2} [бедный]^{R2}.

Объекты сравнения - Коля и Петя; признак сравнения – ‘количество у данного лица денег и имущества’. Сравниваемые объекты характеризуются по данному признаку: характеристика первого объекта – ‘богатый’, характеристика второго объекта – ‘бедный’.

В высказывании с союзом *a* характеристика каждого объекта по признаку сравнения может обозначаться лишь определенным фрагментом теморематической структуры высказывания. Выражаться темами сочиненных фрагментов эти характеристики не могут, потому что темами обозначаются сами сравниваемые объекты. На долю характеристик объектов по признаку сравнения остаются ремы. Легко убедиться, что это так: во всех приведенных примерах рема сочиненного предложения обозначает характеристику объекта по признаку сравнения.

(1б") [Петя]^{T1} [на двух работах работает и еще переводы берет]^{R1}, а [она]^{T2} [весь день на диване с книжкой]^{R2} [объекты – ‘Петя’ и ‘она’ – сравниваются по признаку ‘образ жизни, занятость работой’, соответствующий фрагмент семантической структуры выводится из лексического состава, а также грамматического значения видовременной формы сказуемых; значение признака сравнения: у первого объекта – ‘на двух работах работает и еще переводы берет’, у второго объекта – ‘весь денб на диване с книжкой’].

(1в") [Старая квартира]^{T1} была [большая, в старинном доме]^{R1}, а [эта]^{T2} – [маленькая, в блочной пятиэтажке]^{R2} [объекты – ‘старая квартира’ и – ‘данная квартира’ сравниваются по признаку размера и дома, в котором они находятся; сравниваемые объекты характеризуются по данному признаку: характеристика первого объекта – ‘большой, в старинном доме’, характеристика второго объекта – ‘маленький, в блочной пятиэтажке’].

Собственно результат сравнения - это знать, тождественны, одинаковы (или хотя бы похожи) объекты по признаку сравнения или нет; если нет – то чем значение данного признака у одного объекта отличается от его значения у другого объекта. Союз *a* всегда указывает на то, что сравниваемые объекты различаются по выбранному признаку сравнения. Поэтому невозможны высказывания типа

(10) **Маша живет в Казани, а Катя живет в Казани* (пример из книги [Санников 1989: 174]).

Предлагаем следующее толкование лексемы “*a* сравнения” таково:

(I) $P, a Q$ [Петр (X) богатый (V) { P }, а Иван (Y) бедный (W) { Q ?}] =

- ‘1. говорящий сравнивает X и Y по некоторому признаку;
2. [промежуточный результат сравнения] характеристика X -а по этому признаку – V ; характеристика Y -а по этому признаку – W ;
3. $V \neq W$;
4. [результат сравнения] X и Y различаются по данному признаку’.

(В квадратные скобки заключены пояснения, которые, строго говоря, являются компонентами предиката ‘сравнивать’ и обнаруживаются при его разложении, а потому не входят непосредственно в толкование союза *a*.)

Выражение актантов: X обозначается темой предложения P; Y обозначается темой предложения Q; V обозначается ремой предложения P; W обозначается ремой предложения Q.

Компонент (1) ‘говорящий сравнивает X и Y по некоторому признаку’ имеет особый статус. Союзы как часть речи предполагают определенную логическую операцию – соположение говорящим двух ситуаций. Союз *a*, наряду с таким соположением ситуаций, указывает и на операцию сравнения объектов. Такие логические операции лежат в основе семантики данной части речи и в некотором смысле сближаются с пресуппозициями. Так, компонент (1), хотя и сформулирован как высказывание с предикатом в вершине, однако не подвергается, например, действию отрицания.

Компоненты (2) и (3) – это, в сущности, контекст союза. При этом компонент (3) выводится из значений V и W, т.е. из (2), и поэтому с определенной точки зрения избыточен. Компонент (4) выводится из (2) и (3) и значит, тоже избыточен. Однако компоненты (3) и (4) являются “лишними” только с точки зрения описания действительности. Между тем говорящий может не только описывать действительность, но и преследовать риторические цели. С точки зрения риторики описание объектов естественно сопровождать их сравнением – таким образом легко подвести адресата к их оценке, подготовить его к какому-то выводу и т.п. Компонент (4) необходим потому, что говорящий сравнивает объекты, а (4) – это и есть результат их сравнения. Союз *a* служит риторическим целям. Пользуясь термином, предложенным в работе [Иорданская 1992], можно назвать “*a* сравнения” риторическим союзом.

Мы убедились, что в высказывании с лексемой “*a* сравнения” так или иначе присутствуют все компоненты ситуации сравнения. Однако в толковании лексемы *a* переменная соответствует не каждому из них – так, указание на субъект сравнения и на его результат “встроено” в значении лексемы.

Пока остается не вполне ясным, нужно ли вводить в толкование союза *a* переменную, соответствующую признаку сравнения. Действительно, мы вправе говорить о валентности (сфере действия) лексемы, а значит и об актанте лексемы по данной валентности и о соответствующей переменной в ее толковании лишь в том случае, если можем описать, каким образом выражается данный актант. При этом к описанию способов выражения актанта предъявляются определенные требования: оно должно быть алгоритмизуемо и лингвистично, т.е. опираться на лингвистическую информацию (грамматику и словарь), так что с помощью такого описания можно хотя бы синтезировать высказывание с данной лексемой. Однако не исключено, что информация о признаке сравнения извлекается не только из структуры самого высказывания и словаря, но и из наших общих знаний о мире, из “наивной энциклопедии”, частью которой является какой-то тезаурус. (Подчеркнем, что мы имеем в виду признак сравнения как таковой, а не те значения, которые он принимает у сравниваемых объектов.) Подобные правила уже не являются чисто языковыми и, возможно, не алгоритмизуемы. В этом случае мы не можем считать, что признак сравнения входит в число актантов лексемы *a*. Не имея окончательного ответа на поставленный вопрос, мы воздержались от введения в толкование союза *a* переменной, соответствующей признаку сравнения.

Предложенное толкование лексемы “*a* сравнения” позволяет дать семантическую интерпретацию структурным особенностям предложений с этой лексемой, наиболее полно и четко описанным в работах [Крейдлин, Падучева 1974а,б].

В высказываниях с лексемой “*a* сравнения” в каждом из сочиненных предложений имеются интонационно выделенные тема и рема. Семантическая подоплека этого факта очевидна: тема и рема в каждом из сочиненных компонентов выражает свой актант, поэтому они и должны быть выделены. Кроме того сочиненные компоненты должны быть “синтаксически подобны” [Крейдлин, Падучева 1974б: 34]. “Синтаксический параллелизм” обеспечивает простоту и экономность правил нахождения актантов, т.е. понимание (а возможно, и синтез) высказываний с данной лексемой союза *a*.

В соответствии с описанием [Крейдлин – Падучева 1974б], темы сочиненных предложений должны быть “семантически сопоставлены (ассоциативно связаны)”. Дело в том, что тема каждого сочиненного предложения обозначает один из объектов сравнения. Но сравниваемые объекты должны иметь что-то общее – иначе их просто будет невозможно сравнивать, поскольку нельзя будет выделить основание сравнения. Наличие ассоциативной связанности – это общее требование к сравниваемым объектам, вытекающее из специфики самой операции сравнения. Ассоциативная связь возможна не между любыми объектами. Так, вряд ли можно сравнивать предметы (в широком смысле слова) и ситуации; поэтому в высказываниях типа *Диван хорошо, а прогулка лучше* речь идет о двух ситуациях – ‘прогулке’ и ‘пребывании на диване’.

Следующее замечательное структурное свойство предложений с “*a* сравнения” таково: “семантически сопоставлены (ассоциативно связаны)” должны быть и ремы сочиненных предложений [Крейдлин – Падучева 1974б]. Ассоциативная связь рем сочиненных компонентов обеспечивается повторением в ремах некоторого компонента значения – он и является признаком сравнения. При отсутствии ассоциативной связи признак

сравнения (а это обязательный компонент ситуации сравнения) не выводится из лексического наполнения рем. В результате остается непонятным, по какому признаку производится сравнение, и тогда высказывание неправильно. Ср. следующие примеры (приводятся с другой интерпретацией в книге [Санников 1989: 174]):

(11) **Маша красивая, а Катя глупая; *Маша некрасивая, а Катя умная.* Примеры недопустимы, потому что ни в одном из них не выводится признак, который мог бы быть основанием сравнения.

При отсутствии указания на сравнение – и соответственно без лексемы “а сравнения” – подобные высказывания могут быть вполне допустимы. Ср. *Маша красивая, Катя глупая – вот и все, что он мог о них сказать.*

(12) **Коля бежит красиво, а Петя медленно* [невозможно понять, каков признак сравнения объектов].

В следующем высказывании признак сравнения понятен, а потому высказывание нормально:

(13) *Маша красивая, а Катя умная* [объекты сравниваются по признаку ‘положительно оцениваемое свойство’].

(14) *Коля бежит некрасиво, а Петя медленно* [объекты сравниваются по признаку ‘отрицательно оцениваемое свойство’].

Допустимо даже следующее, не вполне стандартное, высказывание:

(15) *Маша хорошенькая, а Катя глупенькая* [признак сравнения – ‘типично женское свойство’].

В литературе (например, [Крейдлин, Падучева 1974б; Янко 1990]) отмечалось еще одно важное свойство рассматриваемых высказываний: во фразе типа *Ваня ловкий, а Петя неуклюжий* сопоставляются не только Ваня и Пети, но и их свойства (‘ловкий’ VS. ‘неуклюжий’). Этот эффект “двойного сопоставления” объясняется следующим. Объекты сравнения здесь – Ваня и Петя, ср. компонент (1) толкования. При этом в толкование союза *а* входят еще и компонент (3), указывающий на нетождественность характеристик сравниваемых объектов по признаку сравнения. В основе семантики предиката ‘нетождественны’ лежит компонент “операция сравнения”. Тем самым, компонент (3) тоже предполагает сравнение, но уже не Вани и Пети, а их характеристик. Идея сравнения выражается в высказывании еще один раз, причем операции сравнения подвергается еще одна пара объектов.

Лексеме “а сравнения” наиболее четко противопоставлена лексема “и сравнения”, ср. (4). Приведем толкование лексемы “и сравнения”.

(II) $P, a Q [Коля (X) рыжий (V) \{P\}, и Петя (Y) рыжеватый (W) \{Q\}] =$

‘1. говорящий сравнивает X и Y по некоторому признаку;

2. [промежуточный результат сравнения] характеристика X-а по этому признаку – V; характеристика Y-а по этому признаку – W;

3. $V = W$;

4. [результат сравнения] X и Y не различаются по данному признаку’.

Актанты выражаются так же, как у лексемы “а сравнения”.

Предложенное описание позволяет дать вполне единообразное объяснение отрицательному языковому материалу из статьи [Крейдлин-Падучева 1974б].

(16) *Умереть хотят немногие, а <*и> стариться не хочет никто.*

Объекты сравнения – ситуации ‘умереть’ и ‘стариться’. Признак сравнения – наличие и количество желающих быть субъектом данной ситуации. Значение признака сравнения у ситуаций ‘умереть’ и ‘стариться’ – разное (‘немногие’ - ‘никто’). Поэтому союз “а сравнения” здесь нормален, а союз “и сравнения” – невозможен.

(17) *Немногие хотят умереть, и <*а> никто не хочет стариться.*

‘Немногие’ и ‘никто’ невозможны в качестве объектов сравнения. Поэтому в данном контексте невозможна ни лексема “и сравнения”, ни лексема “а сравнения”. Союз *и* представлен здесь лексемой “и продолжения повествования” [Урысон 1999].

2.2. Лексема “опустошенное а сравнения”.

Эта лексема, представленная в примерах типа *Папа на работе, а мама ушла в магазин*, с одной стороны, очень близка лексеме “а сравнения”, а с другой стороны не указывает на контролируемое целенаправленное

действие субъекта (говорящий ничего не сравнивает, не ставит своей целью сформулировать сходства и различия между объектами). В семантику данной лексемы союза *a* входит не компонент ‘сравнивать’, а всего лишь невербализуемый элемент “операция сравнения”. Следовательно, лексема “опустошенное *a* сравнения” не толкуема средствами естественного языка.

Близость данной лексемы союзу “*a* сравнения” проявляется в том, что в высказываниях с ней в каждом из сочиненных предложений тоже налицо выделенные тема и рема, причем темы (*a* также ремы) вступают друг с другом в ассоциативную связь.

Предлагаем следующую экспликацию (не толкование) лексемы “опустошенное *a* сравнения”:

(III) *P, a Q [Мама (X) читает (V), а дети (Y) играют (W)] =*

‘1. “операция сравнения”; X и Y имеют общий признак;

2. характеристика X-а по этому признаку – V;

характеристика Y-а по этому признаку – W;

3. $V \neq W$ ’.

Выражение актантов: X – T1, Y – T2; V – R1, W – R2.

Мы взяли семантику (толкование) лексемы “*a* сравнения” и вычли из нее идею контролируемого целенаправленного действия ‘сравнивать’. Получили почти пустую соединительную лексему “опустошенное *a* сравнения”.

Подчеркнем, что в этой экспликации отсутствует даже указание на результат действия сравнения. Все компоненты данной экспликации, кроме элемента “операция сравнения”, являются, по существу, контекстом союза. Неудивительно, что для этой выхолащенной лексемы не удастся найти хорошего названия – данный союз *a* имеет слишком бедное значение. Это “недоразвитое” сравнение. В семантике этого союза выделяется четкий компонент ‘не тождествен’. Что касается лексем ‘признак’, ‘иметь’, ‘характеристика’, то с их помощью мы обозначаем составные части невербализуемого элемента “операция сравнения”. Скорее всего, эти составные части тоже не вербализуемы – они “мельче” тех слов, с помощью которых мы их обозначаем.

Подчеркнем, что говоря о “недоразвитом” сравнении или об “опустошенности” лексемы, мы имеем в виду лишь логику описания значения, но не реальную семантическую историю слова. Историческое развитие союза может быть прямо противоположным: в какой-то период союз *a* закрепляется за определенными видами контекстов, “вбирает” в себя их семантику и обогащается так, что начинает выражать сравнение.

3. Блок лексем “*a* сопоставления” и теория семантических примитивов

В существующей семантической теории в качестве метаязыка используется естественный язык, точнее – его подъязык, состоящий из относительно небольшого числа слов, взятых в их центральном значении, и достаточно простых однозначных синтаксических конструкций. В этом подъязыке выделяется особая группа лексем, составляющая исходный словарь метаязыка толкований. Эти лексемы участвуют в толковании других лексем, но сами не определяются ни через какие единицы языка. Поэтому их называют семантическими примитивами. Все другие единицы языка сводимы к семантическим примитивам, т.е. могут быть истолкованы через них (если не непосредственно, то на каком-то шаге разложения).

До недавнего времени считалось, что в языке не существует никаких нетолкуемых лексем, кроме семантических примитивов. Иными словами, подразумевалось, что каждая нетолкуемая лексема участвует в толковании других единиц языка. Ясно, однако, что нетолкуемость и участие в толковании значения других слов – это два логически независимых требования. Поэтому можно ожидать, что найдется нетолкуемая лексема, не являющаяся примитивом.

Такие лексемы были впервые подробно описаны Ю.Д. Апресяном – это лексемы, являющиеся близкими синонимами семантического примитива. В работе [Апресян 1994/1995] сравниваются лексемы *хотеть* (семантический примитив) и *желать*. Лексема *желать* столь мало отличается от семантического примитива *хотеть*, что, подобно ему, не может быть истолкована (в частности, ее невозможно толковать через значение ‘хотеть’ и значение еще какой-то лексемы). Глагол *хотеть* выбирается на роль семантического примитива только потому, что он более нейтрален и семантический менее специфичен, т.е. больше подходит для толкования других слов.

Однако очень небольшие смысловые различия могут существовать не только между синонимами, но и между “соседними” лексемами многозначного слова. Тем самым, естественно ожидать, что явление, описанное Ю.Д. Апресяном в области синонимии, встретится и в области полисемии.

Это предположение было подтверждено анализом лексем союза *если* [Урысон 2001]. Этот союз многозначен, причем в его составе выделяется несколько нетолкуемых лексем. Но требованию участия в толкованиях, предъявляемому к семантическим примитивам, по-видимому, удовлетворяет только лексема “*если гипотезы*”. Она и признается семантическим примитивом. Через остальные лексемы союза *если*, хотя они и нетолкуемы, вряд ли определяется хоть одна единица языка.

Граница между семантическими примитивами и “обычными” лексемами оказалась не такой четкой, как представлялась раньше. Ее размывают нетолкуемые лексемы, не являющиеся примитивами. Очевидно, что такие нетолкуемые лексемы скорее всего найдутся среди семантически выхолощенных служебных или полуслужебных слов. Действительно, подобные лексемы были обнаружены среди союзов [Урысон 2001] и среди полувспомогательных глаголов типа *Орег* [Апресян 2004]. К таким лексемам принадлежит и союз “опустошенное *a* сравнения”.

Сосредоточимся теперь на главном требовании, предъявляемом к семантическим примитивам, – требованию семантической неразложимости.

Семантическая неразложимость языковой единицы – это невозможность представить ее значение на предназначенном для этого семантическом метаязыке. Поскольку в современной семантической теории в качестве метаязыка используется естественный язык, то неразложимость лексемы (или другой языковой единицы) – это невозможность представить ее значение в виде выражения на естественном языке. Однако Ю.Д. Апресян продемонстрировал, что семантический примитив, т.е. лексема неразложимая по определению, неэлементарен – он может иметь весьма богатое и сложное значение [Апресян 1979]. В цитированной выше работе [Апресян 1994/1995] этому факту дается теоретическое объяснение. Оно состоит в следующем.

Если глаголы *хотеть* и *желать* синонимичны, то, следовательно, в их значении есть общая часть. При этом *хотеть* является семантическим примитивом, и *желать* тоже нетолкуем. Получается, что в значении каждого из них есть некая “ядерная” часть, общая для данных синонимов, и какие-то более мелкие семантические компоненты, семантические “добавки”, создающие специфичный семантический ореол каждого из этих слов. При этом все компоненты, выделяемые в семантике семантического примитива *хотеть* и его синонима *желать*, невербализуемы – их можно описать с помощью разного рода дескрипций, но нельзя истолковать на естественном языке по правилам толкования значений. Невербализуемые семантические компоненты, более мелкие, чем значение любой лексемы естественного языка, Ю.Д. Апресян, назвал “семантическими кварками”.

Семантический кварк может быть уникальным, т.е. входить в состав очень небольшого количества лексем или даже одной лексемы. Таковы, по-видимому, кварки, различающие *хотеть* и *желать*. Однако кварки могут быть и системными, т.е. повторяться во многих лексемах, обуславливая специфику классов лексем. Это, например, “стативность”, частеречная семантика и некоторые другие смыслы, которые были выявлены Ю.Д.Апресяном в работе [Апресян 1980], где были названы нетривиальными семантическими признаками (в [Апресян 1995: 482] они охарактеризованы как “подлинные семантические примитивы”). Каждый нетривиальный семантический признак “отражает определенную семантическую особенность слова, но не дублирует ее целиком” [Апресян 1980: 30]. При этом нетривиальный семантический признак, например, “стативность”, приписывается группе слов (т.н. стативам), обладающих “сходством реакций <...> на другие языковые единицы разных уровней (морфологического, синтаксического, семантического)” [Апресян 1995: 482]. Поскольку это сходство реакций “семантически мотивировано”, то “мы обязаны предположить наличие в их значениях некоего общего смысла” [там же].

К системным кваркам относится, очевидно, и выделенный нами невербализуемый элемент “операция сравнения”. Заметим, однако, что он не является нетривиальным семантическим признаком типа “акциональности” или “стативности”, поскольку не только мотивирует сходство реакций соответствующих предикатов на контекст, но и составляет большую часть их значения.

Выделение невербализуемых семантических элементов противоречит одному из постулатов существующей семантической теории. Пр процитируем А. Вежбицкую: “если бы кто-нибудь взялся утверждать, что такое <т.е. содержащееся в разных лексемах слова, но не выражаемое никакой языковой единицей – Е.У.> значение существует, но у нас просто нет слова для его воплощения, я бы повторила вслед за Витгенштейном, что о том, о чем невозможно говорить, следует молчать” [Вежбицкая 1996: 301-302]. Мы, однако, убедились, что благодаря выделению невербализуемого элемента “операция сравнения” оказалось возможным описать системные сходства и различия между, на первый взгляд, семантическими далекими предикатами, ср. *похожий* и *больше* и т.п.

Но для описания соответствующего фрагмента системы языка нам пришлось прибегнуть к весьма глубокому семантическому разложению лексемы, останавливаемся на уровне семантических примитивов. Семантическая декомпозиция в рамках принятой теории не позволяет выделить кварк “операция сравнения” и системно описать данный фрагмент лексики.

Выявление невербализуемых семантических компонентов может оказаться интересным для психолингвистических исследований по соотношению вербального и невербального видов мышления.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. 1974 – Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.
2. Апресян Ю.Д. 1979 – Английские синонимы и синонимический словарь // Англо-русский синонимический словарь. М.
3. Апресян Ю.Д. 1980 – Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели “СМЫСЛ ↔ ТЕКСТ” [цит. по переизданию: Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т.2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М. 1995]
4. Апресян Ю.Д. 1995 – О языке толкований и семантических примитивах // Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т.2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.
5. Апресян Ю.Д. 2004 – Акциональность и стативность как сокровенные смыслы (охота на *оказывать*) // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. М.
6. Wierzbicka A. 1992 – Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. N.Y., Oxford.
7. Вежбицкая А. 1996 – А. Вежбицкая. Язык. Культура. Познание. М.
8. Грамматика-80 - Русская грамматика. Т. I – II. М.
9. Жолковский А.К. 1964 – Лексика целесообразной деятельности // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8 / I Московский государственный педагогический институт иностранных языков. Труды института. М.
10. Иорданская Л.Н. 1992 - Перформативные глаголы и риторические союзы // Wiener slawistischer Almanach. Sdb. 33. Wien.
11. Крейдлин Е.Г., Е.В. Падучева 1974а - Значение и синтаксические свойства союза *a* // НТИ. Сер. 2. 1974. № 9.
12. Крейдлин Е.Г., Е.В. Падучева 1974б - Взаимодействие ассоциативных связей и актуального членения в предложениях с союзом *a* // НТИ. Сер. 2. 1974. № 10.
13. МАС – Толковый словарь русского языка в четырех томах. Т. 1 – 4. М. 1985 – 1990.
14. Мельчук И.А. 1974 – Опыт теории лингвистических моделей типа “СМЫСЛ ↔ ТЕКСТ”. М.
15. Николаева Т.М. – Сочинительные союзы А, НО, И: история, сходства и различия // Славянские сочинительные союзы. М. 1997.
16. Падучева Е.В. 2004 – Динамические модели в семантике лексики. М.
17. Саввина Е.Н. 1976 – Фрагмент модели поверхностного синтаксиса русского языка. III: сравнительные конструкции (сравнительные и отсоюзные синтагмы) // НТИ. 1976. Сер. 2. № 1.
18. Санников В.З. 1989 – Русские сочинительные конструкции. М.
19. Сэпир Э. 1985 – Градуирование: семантическое исследование // НЗЛ. XVI. М. [Sapir E. Grading, a study in semantics // “Philosophy of Science”, vol. 11, 1944, № 2.]
20. Урысон Е.В. 2000 – Русский союз и частица *и*: структура значения // ВЯ. № 3.
21. Урысон Е.В. 2001 - Союз ЕСЛИ и семантические примитивы // ВЯ. № 4.
22. Урысон Е.В. 2003 - Семантическая и валентная структура слов с уступительным значением // Русский язык в научном освещении. № 6.
23. Янко Т.Е. 1990 – Еще раз о союзах *a* и *но* // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М.